

Термские губ. ведомости.

1900. 30 апреля. № 93.

С. 4.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Послѣ «Дади Ванн» вновь показали вторую крупную пьесу Антона Чехова — «Чайку». Оказывается, что оба эти произведения до того родственны между собой, что если-бы, предположивъ, скрыть имя автора подъ однимъ изъ назв., то неискущенный и развитый зритель немально обернулся-бы въ другому, особенно при такомъ короткомъ промежуткѣ времени исполненія обоихъ пьесъ. Тѣ-же болѣзнь настроенія героини, тѣ-же задержанность, тот-же налетъ на деревню столичной уединенной аристократіи, тѣ-же неудовлетворенныя стремленія и, по выраженію Діскова, «стемленіе душі», нумительная борьба съ тайной, стоящая болотомъ, и все на той-же обильной романтической почвѣ. Вся лопь подана въ себѣ, своею долею, своимъ дѣломъ, всѣмъ окружающимъ. Наконецъ, нельзя ошибиться въ своеобразности, особой типичности чеховскаго таланта. «Чайка» названа почему-то комедіей. Это очень скверная комедія для всѣхъ ее героев, это безпрерывныя нѣтъ страданій для нихъ. «Чайка» — чрезвычайно тяжелая драма, отличающаяся, какъ все у Чехова, жизненностью и оригинальностью, она смотрится съ изумительнымъ выживаніемъ. О «Чайкѣ» надо написать, по крайней мѣрѣ, большой фельетонъ, чтобы хоть сколько нибудь обстоятельно передать вынесенныя отъ нея впечатлѣнія, вызванныя ею вопросы, размышленія. У насъ нѣтъ пока этой возможности и потому ограничимся краткими словами. Несчастный молодой человекъ, будущій писатель (Тремленъ — г. Шумовъ), «отъ вѣчего дѣлать» стрѣляетъ на озерѣ чайку и бросаетъ ее въ погань молодой дѣвушки (Зарѣчная — г-жа Шнейдоль), будущей актрисы; онъ несчастливъ, потому что она его не любитъ; она несчастна потому, что ее погубилъ другой, настоящий писатель (Тригоринъ — г. Семеновъ Самарскій), привадежавшій друга, настоящей актрисы, матери юности (Аркадина — г-жа Волковская); прѣдатель, увидѣвъ, что «за чужого дѣлать» погубилъ «Чайку», это — за судьбу. Несчастнаго юншу любитъ другая несчастная дѣвушка, выходящая замужъ, пьющая водку и выходящая замужъ (Маша Сиркина — г-жа Клязевъ) за несчастнаго сельскаго учителя (Медвѣденко — г. Мартыновъ). — несчастнаго потому, что она его не любитъ; несчастна еще несчастная женщина, жена утраченного, потому что ей не отвѣчаетъ пожеланій, но очень сохранившійся докторъ; несчастна и указавшая намъ актриса, потому что привадежавшій ей писатель роется въ молодой «чайкѣ», которую онъ, впрочемъ, черезъ два года, прижавъ ремень, бросаетъ.

Въ заключеніе «чайки» приводить въ юности — уже восходящему писательскому свѣту — а горько плачетъ надъ своей судьбой, завывая о своей еще болѣе разгорѣвшейся любви къ бросившему ее писателю. Юноша стрѣляется.

Очень несчастный старикъ, на сценѣ, судебный дѣлатель, но не отъ безнадѣжной любви — потому что онъ уже старъ, а отъ неудавшейся жизни: хотѣлъ быть писателемъ — не удалось, ораторомъ — тоже, глумился даже надписью о себѣ провозглашеніе мнѣнью подъ такими заглавіями: «Человѣкъ, который хотѣлъ...»

Литература и искусство нѣмного своими представителями въ пьесѣ главными персонажами. На нихъ авторъ сосредоточиваетъ главный интересъ. Удивительно правдиво и детально изображается процессъ писательства: Тригоринъ до вѣлостей разсказываетъ Зарѣчной, какъ онъ вѣчно записываетъ въ книжку свои наблюденія, вѣщающія письма, образами выраженія, какъ создается эта «литературная кладовая», какъ онъ потомъ, садясь за работу, утилизируетъ этотъ матеріалъ и т. д. Онъ называетъ эту жизнь дикомъ, дѣлающимъ писателя ненормальнымъ даже въ главахъ собственной семьи. Начиная писателя Тремленъ тутъ-же, на сценѣ даже и пишетъ, не смотря на то, что рядомъ съ нимъ всѣ играютъ въ лото, а потомъ въ соседней комнатѣ шумно ужинаютъ. Наше, промѣсится вслухъ, что пишетъ, передѣлываетъ, режетъ и печетъ, что все не то, ругая, что нужны новыя формы. Мы слышимъ вообще о всѣхъ стадіяхъ писательской работы — о предварительныхъ запискахъ, о рупи-сать, корректурахъ и уже о выходящихъ произведеніяхъ въ свѣтъ, и обо ощущеніяхъ писателей въ ожиданіи въ свѣтъ случаевъ. Тригоринъ недоуменъ собой, что онъ онъ только Тригоринъ а что его не хотятъ признавать равнымъ Толстому, Тургеневу. Зарѣчная, однако, поклоняется его великому таланту, какъ въ Аркадина восхищается его гениальностью. Тригоринъ, какъ видите, преимущественно «свѣтъ свѣтъ», а Тремленъ знаетъ свою единственную любовь. О чемъ же, для чего и для кого пишутъ эти талантливые писатели? Почему они воспеваютъ? И воспеваются-ли такъ, въ самомъ дѣлѣ, женщинами писателями? Увы, эти вопросы неизбежны, когда смотришь «Чайку». И актрисы влюблены въ свой театръ, хотятъ славны. Аркадина — Тремлена — безобразнѣйшимъ нѣтъ, злослѣдія, жалующая за костюмъ для сына. «Дади Ванн» тоже влечется на неудавшуюся извѣстность. Когда онъ, можетъ быть,

Термские губ. ведомости.

1900. 30 апреля. № 93.

с. 4.

был-бы Шпенгауэр, Шпенроу... и
такая незаслуженная известность — при ф.
Серебряков, и неудавшаяся талант
Астроу. Челов, сам Челов, страшно
интересуются писателями, и особенно в
этих восточных картинах — они
самы, сь собой, из своего быта на-
ходят. В такой-ли сильной степени эта
сфера так интересна публике? Нам
отвечать на это, что все то интересно,
о чем публике докладывать интересно,
таинственно, увлекательно. А это каче-
ство — дарится на «Челов».

Разговоры «Челов» гостящих у нас

*) Г. Павлов издает перископ
центральной метеорологической станции.

артисты положительно
хорошо, и в смысле ансамбля,
и в отличных, ярких по
исполнению отдельных сцен.
Выделялось исполнение г-ж
Волховской, Шнейдель и
Князевой и г. Шумова.

В. К.